

ВВЕДЕНИЕ

*Ник Фоушин
Бруно Коппитерс
Рубен Апресян*

1. РЕАЛИЗМ

Убийства, увечья и разрушения, без которых не обходится почти ни одна война, привели к развитию четырех направлений мысли относительно этики войны. Одно из этих направлений известно как *реализм*. Реалисты учитывают все ужасы войны и поэтому, подобно большинству представителей других направлений, отчаянно пытаются определить издержки войны, особенно для своей собственной страны. В связи с этим они любят говорить, что война — это ад. Но реалисты оценивают войну также с точки зрения ее выгод. Они знают, что временами война дает стране прибыль в виде земель и ресурсов.

Однако чем бы ни мотивировалась их озабоченность войной, реалисты доказывают, что война является неморальной сферой деятельности. Для них война и этика — это такие две сферы, у которых нет ничего (или почти ничего) общего друг с другом. Когда свою точку зрения представляют сторонники *сильной версии реализма*, они высказывают следующие два утверждения.

Во-первых, они говорят, что даже в мирное время между государствами нет никаких значимых моральных отношений в том смысле, в каком такие отношения могут существовать между людьми, живущими в одной стране. В пределах страны или сообщества отдельные люди могут разнообразными способами оказывать друг другу моральную помощь или наносить моральный ущерб. Когда они намереваются убивать и потом действительно убивают друг друга, мы морально осуждаем их. Но, по мнению

Москва: Гардарики, 2002

сторонников сильной версии реализма, моральные правила, направленные против такого намерения и последующего решения убить, нанести увечья, украсть, солгать и т.д., неприменимы в том случае, когда речь идет о государствах. Поэтому когда государство намеревается вступить в войну с другим государством, прежде чем действительно начать войну, ему не нужно принимать во внимание моральные основания (т.е. основания, учитывающие интересы других государств и народов).

Во-вторых, сторонники сильной версии реализма утверждают, что сразу после начала войны моральные соображения становятся недействительными. Поэтому нельзя критиковать воюющие государства за то, как они ведут военные действия. Если они убивают раненых солдат врага, стреляют во вражеских моряков, находящихся на спасательных шлюпках, убивают военнопленных, нападают на гражданских лиц, отбирают у врага имущество и совершают другие подобные вещи, они не совершают ничего морально предосудительного. Безусловно, воюющие государства наносят врагу ущерб, но они не причиняют ему морального ущерба.

Приведем точку зрения Николаса Спайкмэна, автора книги «Стратегия Америки в мировой политике» (обратите внимание, какое слабое отношение имеет этика к тому, что предпринимают государства во взаимоотношениях друг с другом): «В международном сообществе допустимы все формы насилия, включая разрушительные войны. Это означает, что борьба за власть тождественна борьбе за выживание, и главной задачей внутренней и внешней государственной политики становится усиление соответствующих властных позиций. Все остальное вторично»¹.

Сторонники сильной версии реализма могли бы свести свою неморальную точку зрения на войну к утверждению, что область этики и область войны не пересекаются. Согласно реалистам, выражение «этика войны» — оксиморон, и говорить на языке этики о войне значит обрекать себя на внутренние противоречия. Реалисты не являются моралистами. Это не значит, что они не способны отличить истинное от ложного. Просто им нет никакого

¹ *Spykman N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1994. P. 18. Цит. по: Donnelly J. Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 162.*

логического смысла беспокоиться об этике, когда государства думают о войне или уже фактически участвуют в ней.

Но как реалисты обосновывают такую установку? Какие доводы они приводят в объяснение такой, казалось бы, странной позиции? Правильно было бы сказать, что разные реалисты выдвигают разные доводы. Тем не менее большинство из них обосновывают свою позицию следующими аргументами. Они говорят, что над государствами¹ нет никакого реального морального авторитета, который говорил бы им, как они должны вести себя на международной арене, заполненной «актерами», прибегающими к подлым приемам. Чтобы выжить на этой арене, государство должно преследовать исключительно свои собственные интересы, и больше ничьи. Если одна страна нападает на другую для того, чтобы захватить ее богатые запасы нефти, то единственный вопрос, который нападающие должны задать себе, заключается в следующем: выгодно ли это для нас? Если страна, на которую решено совершить нападение, в военном отношении слаба, если никто не готов прийти ей на помощь и, кроме того, если политические издержки от нападения незначительны (если они вообще есть), то нет оснований для того, чтобы не напасть. В самом деле, не напасть в таком случае было бы глупо. Согласно такой своекорыстной оценке, мировая арена, на которой выступают государства, — это джунгли, а не сад Эдема. И если государства хотят выжить, они должны действовать соответственно.

Другие сторонники сильной версии реализма представляют иные варианты объяснения своих причин. Они также настаивают на том, что своекорыстие движет государствами в их деятельности, но добавляют, что то, каким образом действуют государства, не является вопросом выбора. Реалисты доказывают, что угроза войны и сама война делают невозможным совершение каким-либо государством каких-либо иных действий, кроме совершаемых в

¹ Так, Генрих фон Трейчке пишет: «То, что государство не признает над собой никакого третейского судьи и в конечном счете должно подчинять свои правовые обязательства своему собственному вердикту, является еще одним принципом, вытекающим из сущности его суверенитета». На самом деле утверждение Трейчке больше похоже на рекомендацию, чем на характеристику истинного положения вещей. В каком-то смысле, употребляя слово «должно», он подразумевает, что государство не должно позволять какому-нибудь более высокому авторитету выносить за него решения (*Treitschke H. von. Readings in Western Civilization: 1500 to the Present / Ed. by G.H. Knoles and R.K. Snyder. Philadelphia; N.Y., 1968. P. 417*).

своих собственных интересах. Эти реалисты говорят, что ставки в войне столь высоки, что политически и психологически ни одно государство не может (не в силах) остановиться и рационально оценить, что в войне справедливо, а что нет. Если страна сталкивается с жестоким захватчиком, она может потерять все, в том числе свой народ и его культурное наследие. Поэтому выбора нет — остается только воевать на основе принципа «все средства хороши»¹. Если, как говорят философы, мы обязаны делать только то, что можем делать («можем, значит, нам следует», как часто выражаются), то мы не обязаны вести себя нравственно, если это невозможно для нас ни физически, ни психологически.

Взгляды тех, кто отстаивает позицию *умеренного реализма*, несколько отличаются от взглядов их более строгих собратьев. Работы умеренных реалистов чаще всего встречаются в политологической литературе². Их можно было бы полусутоливо назвать «малодушные реалисты», поскольку в отличие от сторонников сильной версии реализма они не «идут до конца». Некоторые умеренные реалисты (например, Эдвард Хэллетт Карр) не отрицают обоснованности моральных ценностей, но отрицают их абсолютную и универсальную обоснованность. Скорее, следует считать, что моральные ценности отражают конкретную национальную концепцию государственных интересов. Ганс Моргентау критикует Карра за отрицание возможности абсолютной и универсальной перспективы, но в то же время, по его утверждению, проблема состоит в том, что государства не могут (не должны) вести себя в международных отношениях согласно универсальному моральному кодексу³. В практической политике умеренные

¹ Во время визита одного из авторов этих строк Н. Фоушина в Израиль в 1995 г. один израильский чиновник сказал ему: «Если бы на нас напали, у нас не было бы выбора. Для того чтобы спасти Израиль от гибели, мы бы сделали все что угодно».

² Книга Дж. Розенталя (*Rosenthal J. Righteous Realists: Political Realism, Responsible Power and American Culture in the Nuclear Age. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1991*) представляет собой общую работу о роли этики в трактовке реалистических позиций. Что касается самих реалистов, см.: *Carr E.H. Twenty Years of Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Harper Torchbook, 1964 (N.Y.: MacMillan, 1951); Kennan G. American Diplomacy 1900—1950. Chicago: University of Chicago Press, 1951; Morgenthau H. In Defense of the National Interest. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1952.*

³ О Карре и Моргентау см.: *Donnelly J. Realism and International Relations. P. 166—167.*

реалисты обычно высказываются жестко, утверждая, что государства должны действовать в своих собственных интересах. Но не всегда ясно, означает ли это, что они должны «действовать исключительно в своих собственных интересах» или «действовать в своих собственных интересах, но принимать в расчеты интересы других»¹, когда это обходится не слишком дорого.

Прежде чем обратиться к обсуждению других способов оценки войны, целесообразно рассмотреть следующие три замечания относительно реализма. Первое замечание: даже в том случае, если реалисты намеренно не придерживаются моральных принципов, они все же могут действовать в согласии с ними. Древнекитайский автор «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы порекомендовал своему правителю хорошо обращаться с пленными. Затем он добавил, что это выгодно, поскольку пленные, с которыми обращаются хорошо, могут пригодиться для того, чтобы увеличить численность армии правителя². В данном случае Сунь-цзы не придерживался какого-то морального правила, а был занят пополнением собственной армии. Вероятно даже, что он вообще не мыслил моральным образом. Скорее, он рекомендовал совершать те поступки, которые находятся «просто в соответствии» с моральными принципами, т.е. поступки, которые «действуют параллельно» этим принципам. Неясно, что порекомендовал бы Сунь-цзы в том случае, если бы пленные отказались принять эту наживку или — что еще хуже — если бы они представляли обузу для правителя. Весьма вероятно, в этом случае Сунь-цзы мог бы порекомендовать правителю избавиться от пленных и, таким образом, он не придерживался бы никаких этических правил и не поступал бы «в соответствии» с ними.

Правитель (назовем его «Государь») мог бы поступать «в соответствии» с моральными принципами, но не придерживаться их, также в следующем случае. Предположим, у Государя нет никакой заинтересованности поступать морально, но он знает, что другие государства заинтересованы в этом, причем некоторые из

¹ Роберт Холмс в своей книге «О войне и морали» называет некоторых из таких мыслителей «мягкие реалисты». Эти реалисты «...почитают мораль, когда могут. Но ...считают, что от морали следует отказаться, когда это выгодно» (Holmes R. On War and Morality. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1989. P. 57).

² Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955. С. 14.

них состоят либо в дружественных отношениях с его государством, либо даже в союзе с ним. Государь не может позволить себе отвернуться от этих государств. Поэтому в течение какого-то времени он делает вид, что следует моральному пути, ожидая того момента, когда он сможет отказаться от этой роли и повести свою страну по внеморальному пути, выгодному для его государства и, весьма вероятно, для него самого. Поскольку правители-реалисты могут имитировать моральное поведение (разумеется, из корыстных соображений), они не обязательно будут внешне демонстрировать жестокость в своих действиях на международной арене. Следовательно, до какого-то момента эти правители будут создавать видимость порядочных в нравственном смысле деятелей. Но после этого момента они, вероятно, станут открыто применять свою власть и вести себя так, что это не будет даже «в соответствии» с принципами морали.

Второе замечание, касающееся реализма, связано с утверждением, согласно которому реализм представляет собой внеморальную позицию в отношении войны. Считается, что оно нуждается в уточнении, поскольку некоторые реалисты убеждены, что на самом деле их теория попадает в сферу этики¹. Их государственная этика выражается в том, что правители готовы выполнять свой долг по защите государства и своего народа. В принципе эту позицию можно было бы расширить, добавив, что было бы благодетельнее всего, если бы каждое государство заботилось в первую очередь об интересах своего народа. Таким образом, сторонники расширенной формы реализма утверждают, что в своих размышлениях они косвенным образом принимают в расчет интересы «иностранцев». Не приходится и говорить, что эта позиция малоубедительна, поскольку при выполнении своих обязанностей по отношению к собственному народу правитель может приказывать напасть на другой народ и даже уничтожить его.

Третье замечание по поводу реализма связано с большим количеством вариантов этой точки зрения. Поскольку реализм является двухчастной теорией, рассматривающей вопрос об условиях начала войны и вопрос об условиях ее ведения, возникает

¹ Рейнгольд Нибул в работе «Моральный человек и имморальное общество» стремится показать и, по-видимому, доказывает, что правила коллектива (нации, государства) стоят выше индивидуальных (*Neibuhr R. Moral Man and Immoral Society. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1932. P. 83*).

возможность, что некоторые мыслители в отношении одной части теории являются реалистами, а в отношении другой — нет. В этом смысле бывший госсекретарь США (во время правления Президента Р. Никсона) Генри Киссинджер казался реалистом, когда говорил, что руководители США должны четко формулировать для своего народа концепцию национальных интересов¹. Но он никогда открыто не заявлял, что, если такая концепция ведет к войне, Америка должна вести безнравственную войну.

В противоположность этому генерал Уильям Текумсе Шерман, воевавший во время Гражданской войны в США на стороне северян, считал, что гражданская война является злодеянием тех, кто ее начал. Поэтому нарушитель мира должен получить по заслугам и солдат ни в коем случае нельзя обвинять за те действия, которые они вынуждены совершать, чтобы быстро довести войну до победного конца. Когда один из полководцев Конфедерации обвинил Шермана в том, что тот совершил самый жестокий за всю войну акт, отдав приказ об эвакуации Атланты и последующем ее поджоге, Шерман не отрицал это обвинение, заявив, что такая жестокость была вынужденной. Любые военные действия дурны. Шерман решил, что Атланта больше никогда не должна служить в качестве военной базы для конфедератов. По его мнению, полную ответственность за эту войну несут власти южных штатов и они могут восстановить мир, только подчинившись Федеральной конституции. Поэтому в отличие от Киссинджера, который является реалистом, пока не начнется война, но не тогда, когда она уже началась, Шерман не был реалистом до начала войны, но, по-видимому, стал таковым после ее начала. Вот классическое выражение шермановской версии реализма: «Вы не сможете оценить войну в более резких терминах, чем я. Война есть жестокость, и вы не сможете облагородить ее; а те, кто втянул нашу страну в войну, заслуживают всех проклятий, которые народ может обрушить на их головы... Что толку возмущаться этими ужасными испытаниями войны? С таким же успехом вы можете протестовать против грозы. Эти трудности неизбежны, и единственный путь решения проблемы, благодаря которому жители Атланты могут надеяться снова начать жить в своем городе в мире и спокойствии, заключается в том, чтобы прекратить войну. А это можно осуще-

¹ *Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon and Schuster, 1994. P. 810.*

ствить, только допустив, что она началась вследствие заблуждения и не прекращается из-за гордыни»¹.

В общем, реализм — это весьма варьирующаяся точка зрения, которая так или иначе исключает или преуменьшает роль этики применительно к войне. Когда представители реализма говорят, что все происходящее на войне справедливо, они окольным образом говорят о том, что справедливость, законность, этика и т.п. не имеют ничего общего с войной. Вместо того чтобы говорить об этике, представители реализма говорят о том, что государство должно заботиться о собственных интересах.

2. МИЛИТАРИЗМ

Вторым направлением мысли, развившимся в ответ на ужасы войны, является *милитаризм*. Его легко спутать с реализмом, поскольку обе точки зрения, по-видимому, снисходительно относятся к войне, а также потому, что некоторые формы милитаризма, подобно реализму, имеют националистическую основу². Как мы увидим в дальнейшем, еще одна причина путаницы заключается в том, что государства колеблются между следованием принципам реалистической и милитаристской политики, большей частью из-за трудностей осуществления милитаристской доктрины на практике. Однако несмотря на видимую близость этих точек зрения, между ними существуют значительные расхождения. Такие реалисты, как Сунь-цзы, стараются избежать войны или стараются уменьшить ее потери и ужасы³. Для осуществления этого есть только один способ — образовывать межгосударственные союзы для того, чтобы достичь равновесия сил против сильных и угрожающих войной государств. Если такая уравнивающая стратегия не срабатывает, реалисты, возможно, выскажутся в пользу того, чтобы их государство вступило в войну. Но они будут делать это неохотно, если, конечно, они не будут видеть, что их государство

¹ *Sherman W.T.* Memoirs. Vol. II. 4th ed. N.Y.: Charles L. Webster and Co., 1892. P. 126. О Шермане см.: *Walzer M.* Just and Unjust Wars. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 32—33.

² Как, например, у реалиста Генриха фон Трейчке. См.: *Treitschke H. von.* Politics / Abridged and edited by Hans Kohn. N.Y.; Burlingame: Harcourt, Brace and World, 1963. P. 12—15.

³ См.: *Сунь-цзы*. Указ. соч. Гл. II и III.

имеет явное преимущество, которое позволит ему легко выиграть эту войну. Милитаристы также осознают ужасы войны, но в противоположность реалистам они убеждены, что эти ужасы более чем компенсируются приобретениями от войны. По мнению милитаристов, война изменяет людей и делает их такими, какими они прежде не были и, возможно, не могли быть. Война делает из мужчин Мужчин. Она дает участвующим в войне почувствовать свою индивидуальность и достоинство. Она развивает их характер. Суровость войны воспитывает у участвующих в ней такие добродетели, как дисциплинированность, уверенность в своих силах, стойкость, преданность, ответственность и мужество. Поэтому для индивида, живущего в милитаристском обществе, война оказывается не только бременем — в ней есть также и особая польза.

Но война приносит пользу и государству. Война превращает скопление индивидов или членов той или иной социальной группы в единое сообщество. Война объединяет людей, давая им общую цель. Теперь они уже мыслят и говорят с такой позиции: «Мы жестоко сражались, мы выиграли войну и мы победим в следующей войне». Так стали думать спартанцы в VIII в. до н.э. после того, как завоевали Мессению¹. Поскольку мессенцы, которых спартанцы обращали в рабов (илотов), по численности семикратно превосходили спартанцев, последние для сохранения своего владычества были вынуждены создать, а затем постоянно поддерживать военную элиту. Существование ее обеспечивалось благодаря тому, что работать заставляли илотов. В свою очередь это способствовало удержанию илотов в порабощении.

Возможно, милитаризм легче породить и поддерживать в таком небольшом и относительно простом обществе, как спартанское. Тем не менее очевидно, что в Новейшее время, к примеру после Первой мировой войны, Япония превратилась в милитаристское государство². Хотя Япония была уже сложным обществом, она стала милитаристской, поскольку в культурном отношении была очень однородной и во главе страны стоял богоподобный лидер, что способствовало сосредоточению вокруг него преданного населения. Фашистский милитаризм в Италии был менее «удачным».

¹ Greek and Roman Civilization // The New Encyclopaedia Britannica. 13th edition. Chicago et. a.: Macropaedia, 1998. Vol. 20. P. 225—227.

² Edgerton R..B. Warriors of the Rising Sun. N.Y.; L.: W.W. Horton and Company, 1977. P. 234—239.

Муссолини не удалось с помощью идеологии переделать мышление крестьян и рабочих на милитаристский лад¹. У этих и других социальных слоев в Италии существовал свой собственный перечень требований (например, проведение земельной реформы и повышение заработной платы), поэтому они не считали милитаристскую идеологию особенно привлекательной. Тем, что Муссолини все же достиг успеха в милитаризации Италии, он обязан самой военной касте (главным образом офицерству) и некоторым, но отнюдь не всем, правительственным чиновникам. По отношению к другим он использовал реалистическую доктрину. Для Италии в целом легче было откликнуться на апелляцию к ее национальным интересам, чем к личностным и социальным требованиям милитаризма. По сравнению с Италией нацистская Германия стала более милитаристской отчасти из-за того, что Гитлер был жестким лидером, и из-за крайностей той длительной и отчаянной войны, которую Германия вела против Великобритании, США, СССР и других государств².

Цель, объединяющая народ в милитаристское общество, варьируется от одной нации или социальной группы к другой³. У одной нации это может быть государственная или этническая гордость, говорящая всему остальному миру: «Мы превосходим все народы, мы — высший народ». Или это может быть религиозная цель, вдохновляющая милитаристский дух: «Наша религия — истинная религия, и мы гордимся тем, что мы — в первых рядах тех, кто несет по свету Слово Божие». Или это может быть политическая цель: «Мы ведем войну во имя равенства и справедливости (или во имя пролетариата и т.д.) и гордимся этим».

Но при любой идеологии враги милитаристского «крестового похода» находятся не только за рубежом, но и в своей стране. Здесь враги — это не только те, кто противостоит «крестовому походу», но и те, кто пассивен и таким образом ничего не делает для его поддержки. С теми и другими следует обращаться безжалостно. В самом деле, есть основание быть более безжалостными

¹ *Grand A.de.* Italian Fascism: Its Origins and Development. Lincoln; L.: University of Nebraska, 1982. P. 138—139, 143, 147.

² *Kallis A.A.* Fascist Ideology: Territory and Expansionism in Italy and Germany 1922—1945. L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 5—9.

³ *Coates A.J.* The Ethics of War. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1997. P. 43—44.

с «внутренними врагами», поскольку они являются ренегатами и изменниками, разлагающими общество¹. Безжалостность необходима и в том случае, когда имеешь дело с внешними врагами. Дело, за которое сражается типичный милитарист, важно и даже священо, так что полумеры здесь недопустимы. Более того, считается, что это дело является неотложным. Это похоже на то, как будто общество и мир страдают от острой и опасной болезни, которую можно вылечить только с помощью радикальной хирургии войны.

Таким образом, между милитаристами и реалистами есть два ключевых различия. Во-первых, милитаристы более склонны вступать в войну, чем реалисты. Когда нужно справиться с болезнями общества и всего мира, для милитаристов первым прибежищем является война, в то время как для реалистов это не так. Во-вторых, своими разговорами о добродетелях и борьбе во имя какой-то высшей цели милитаристы в отличие от реалистов помещают войну в сферу этики. Враждебность милитаристов к пацифизму мотивируется подобным образом — этически. В одном из своих памфлетов Бенито Муссолини отвергал пацифизм и прославлял войну по моральным основаниям: «Вообще говоря, в том, что касается будущего и развития человечества и оставляя в стороне какие-либо соображения, связанные с нынешней политикой, фашизм прежде всего верит в то, что вечный мир невозможен и бесполезен. Фашизм отвергает пацифизм, который является прикрытием для бегства от борьбы и малодушием перед необходимостью жертвы. Только война пробуждает все человеческие силы до состояния максимального напряжения, отмечая печатью благородства тех людей, которые имеют мужество смотреть ей в лицо. Все остальные суровые испытания лишь вторичны и никогда не ставят человека лицом к лицу с самим собой, когда он вынужден выбирать между жизнью и смертью»².

¹ *Kelsay J.* Islam and War: A Study of Comparative Ethics. Louisville KY: Westminster/John Knox Press, 1993. P. 100—104.

² *Mussolini B.* La doctrine du fascisme. Firenze: Vallecchi Editore, 1936. P. 28—29.

3. ПАЦИФИЗМ

Пацифизм представляет собой третье направление мысли в отношении войны. Пацифизм — доктрина, согласно которой война в моральном отношении неправильна. Он призывает каждого к немедленному отказу от войны, милитаризма и насилия. Но слово «пацифизм» часто употребляется и в более широком смысле. Его можно считать многовековой традицией мысли, основанной на том убеждении, что война — это такой феномен человеческой истории, который в конце концов должен быть устранен. Желание упразднить войну, восходящее к философам Эразму Роттердамскому и Иммануилу Канту, нашло свое практическое выражение в развитии международного права и основании Лиги Наций и Организации Объединенных Наций¹. Но такое определение пацифизма, вероятно, является слишком широким, чтобы можно было сказать что-либо существенное об использовании силы. Ни один руководитель государства какой-либо уважаемой страны не отрицает публично того, что человечество должно стремиться к всеобщему мирному сосуществованию, когда война будет навсегда запрещена. Большая часть ответственных граждан России и Запада также рассматривает войну как абсолютное зло, которое человечество должно упразднить так же, как в свое время было упразднено рабство. Но в то же время многие граждане полагают, что их правительство должно создавать эффективную военную оборону, и они, возможно, даже поддерживают военное вмешательство своего правительства в таких регионах, как Чечня или Косово.

Проблема возникает и при употреблении термина «пацифизм» в узком смысле — как позиции, противостоящей использованию особой категории оружия. Такая проблема возникает с термином «ядерный пацифизм». Многочисленные массовые движения против наращивания ядерного вооружения в Соединенных Штатах и в Западной Европе после Второй мировой войны часто относились в средствах массовой информации и книгах по истории к пацифистским. Но такого рода антивоенное движение в первую очередь противостояло политике ядерного сдерживания, которая, по мысли протестующих, неизбежно привела бы к ядерной войне и

¹ См.: *Koontz T.J.* Christian Nonviolence: An Interpretation // *The Ethics of War and Peace: Religious and Secular Perspectives* / Ed. T. Nardin. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1995. P. 318—319.

уничтожению всей планеты. Эти движения не ставили под сомнение законность военной обороны как таковой¹. Участники антивоенного движения не обязательно руководствовались моральными интересами, которые можно считать пацифистскими по своей сущности. Определенную роль играли и другие аргументы («следование политике ядерного сдерживания уже не отвечает национальным интересам»). Для наших целей такое узкое употребление термина «пацифизм» не подходит. Мы пытаемся описать базовые этические установки по отношению к проблемам войны и мира. Поэтому ниже мы сосредоточимся на двух версиях пацифизма, первая из которых (а) отстаивает относительно согласованное множество моральных аргументов по этому вопросу, а вторая (б) качественно отлична от остальных трех основных направлений мысли относительно этики войны, обсуждаемых в этом введении. Первую версию можно отнести к категории религиозного пацифизма, а вторую — к «ненасильственному сопротивлению». Эти две версии не исключают друг друга. Частью истории обеих версий пацифизма являются некоторые миротворческие церкви и такие отдельные личности, как писатель Лев Толстой.

Первый вид пацифизма обусловлен религиозным и духовным противостоянием войне. На Западе он укоренен в христианстве и был особенно влиятельным в первые века новой эры. Точку зрения первоначальной христианской традиции приняли средневековые еретические движения (такие, как Чешское братство), а также протестантские миротворческие церкви нашего времени, например квакеры, меннониты, амиши и духоборы (первоначально жили в России, в настоящее время большинство из них живет в Канаде). Свои пацифистские взгляды они основывают на заповедях Нового Завета, содержащихся, например, в Нагорной проповеди, в частности на таких высказываниях, как «Блаженны миротворцы» (Мф. 5:9). Эти религиозные общины не отрицают потребность государства в организации военной службы или необходимости защиты страны военными средствами. Для этих

¹ Можно также различать, как предлагает Роберт Холмс, абсолютный и условный пацифизм. Согласно абсолютному пацифизму, не существует таких обстоятельств, при которых война может быть допустимой. Согласно условному пацифизму, война недопустима в обстоятельствах определенного типа. См.: *Non-violence in Theory and Practice* / Ed. Robert Holmes. Belmont CA: Wadsworth Publishing Company, 1990. P. 114.

религиозных общин государство является необходимым носителем социального порядка¹. Но их религиозные взгляды запрещали им брать на себя военные обязательства или поступать на военную службу. Это правило было основано на строгом разделении между «церковью» и «миром». Пацифистские сообщества считали себя группой верующих, чья ненасильственная позиция должна гарантировать им спасение. Отказывающиеся от военной службы подвергались гонениям со стороны властей — и до сих пор подвергаются гонениям во многих странах мира — в той степени, в какой правительства не признавали принцип отделения церкви от государства.

Существуют различные виды религиозного пацифизма². Несмотря на особенности их морального обоснования, все они, опираясь на определенные универсальные принципы, убеждают людей воздерживаться от применения силы. Среди принципов, играющих наиболее заметную роль, такие: присутствующий в каждом человеке внутренний свет божественного духа, милосердие, разум, изначальная открытость каждого человеческого существа трансцендентному миру. Многие из этих принципов хорошо выражены в философских произведениях одной из самых известных фигур в истории пацифизма — Льва Толстого. Он радикализировал многие встречающиеся в религиозной пацифистской традиции моральные предписания. Центральной в его мысли была следующая библейская цитата: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему» (Мф. 5: 38—39)³. Толстой понимал эту фразу не как призыв к пассивному подчинению злу, но, напротив, как предписание морального сопротивления насилию. По его мнению, моральное

¹ См.: *Coppieters B.* Die pazifistischen Sekten, die Bolschewiki und das Recht auf Wehrdienstverweigerung // *Lehren aus der Geschichte? Historische Friedensforschung* / Ed. Reiner Steinweg. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. P. 308—360; *Zverev A.*, *Coppieters B.* V.D. Bonch-Bruevich and the Doukhobors: on the Conscientious Objection Policies of the Bolsheviks // *Canadian Ethnic Studies/Etudes Ethniques au Canada*. 1995. Vol. XXVII, № 3. P. 72—90. *См. также: *Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический очерк)*. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 39—130.

² На основе анализа пацифистской литературы Джон Йодер различает свыше 20 разновидностей религиозного пацифизма. См.: *Yoder J.H.* Nevertheless: Varieties of Religious Pacifism. Scottsdale; Kitchener: Herald Press, 1976.

³ См.: *Stephens D.* The Non-Violent Anarchism of Leo Tolstoy // *Leo Tolstoy. Government is Violence. Essays on Anarchism and Pacifism* / Ed. David Stephens. L.: Phoenix Press, 1990. P. 7—19.

сопротивление заключается главным образом в несовершении зла, совершить которое вам, возможно, приказывают государственные чиновники. Толстой выступал не только против государственной политики, но и против самой законности государства. Государство является орудием насилия, следовательно, христиане не должны участвовать в политике и занимать государственную должность: «Государство есть насилие, христианство есть смирение, непротавление, любовь и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству»¹. Максима неучастия в государственной политике, если поднять ее до уровня универсального закона, делает излишней суверенную политическую власть. Толстой считал армии средством, с помощью которого государства совершают величайшие жестокости. Однако, писал он, «уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанут доверять правительствам и будут сами искать спасения от удручающих их бедствий и будут искать этого спасения не в сложных и утонченных комбинациях дипломатов, а в простом исполнении обязательного для каждого человека, написанного и во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, закона о том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, тем более не убивать своего ближнего»².

Этот русский писатель и философ оказал огромное влияние на пацифистские движения во всем мире. Его произведения вдохновляли Мохандаса Ганди на борьбу за независимость Индии, а Мартина Лютера Кинга — на выступления в защиту гражданских прав в Соединенных Штатах. Во время своих политических кампаний эти деятели настаивали на необходимости сопротивления несправедливости, но без применения военной или, в более широком смысле, — физической силы против отдельных лиц. Сторонники ненасильственного сопротивления, следуя примеру Ганди, для обозначения агрессора используют слово «оппонент», а не

¹ Толстой А.Н. Письмо Эугену Генриху Шмитту от 12 октября 1896 г. // Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 68. М.: Госхудлитиздат, 1954. С. 167.

² Толстой А.Н. По поводу конгресса о мире (письмо к шведам) // Толстой А.Н. В чем моя вера? Тула: Приокское книжное изд-во, 1989. С. 293.

«враг». Более того, они подчеркивают необходимость непрерывного диалога со своими «оппонентами».

Последний тезис важен для понимания того, как мыслят современные американские пацифисты, или «ненасильники» (non-violentist), как они сами предпочитают себя называть. Роберт Холмс настаивает, что никогда не следует приостанавливать диалог с оппонентом¹, еще и еще продолжая обсуждение вплоть до достижения понимания. Согласно его мнению, причина войн во многом в том, что мы плохо понимаем друг друга. Нам как гражданам или как представителям правительств не хватает знаний, особенно в ситуации конфликта. Усилия по расширению наших знаний об ужасах войны или о взглядах «другой стороны» не могут не помочь нам оттянуть, а может быть, и оттянуть на неопределенное время начало войны. Наоборот, намерение разрешить конфликт с помощью угроз и политики силы не могут не усугубить положение вещей. При решимости всемерно развивать диалог есть все основания думать, что теоретически войне будет положен конец. Безусловно, нет гарантий, что это случится. Однако Холмс не является абсолютным пацифистом. Он допускает теоретическую возможность оправдания войны и поэтому называет себя условным пацифистом, или сторонником ненасилия. Но не может быть оправдано обращение к оружию тогда, когда не предпринято никаких усилий для достижения понимания; и именно такая практика является наиболее распространенной.

Приверженность ненасилию, утверждает Холмс, не означает пассивности². Традиционно ненасильственное сопротивление было связано с такими происходившими внутри страны реформаторскими движениями, как, например, кампания против расовой дискриминации в Соединенных Штатах. Но это также имеет значение и для оборонной политики. Поэтому в том случае, когда переговоры с агрессорами проваливаются и все попытки переговоров оказываются бесплодными, у нации, возможно, еще остаются возможности для *гражданского, т.е. ненасильственного, сопротивления* (вторая версия пацифизма). По утверждению сторонников такого пацифизма, оборона, организованная самими гражданами (civil-

¹ Holmes R.L. The Morality of Nonviolence // Concerned Philosophers for Peace Newsletter. 1995 (Fall) Vol. 15, № 2. P. 5—16.

² Holmes R.L. On War and Morality. P. 277.

ian-based defence), т.е. *гражданская оборона* (ГО)¹, может стать полноценной альтернативой² обычным способам (т.е. военным средствам) отпора агрессии. Можно определить ГО как систему сдерживания, основанную на способности мирного населения защищаться ненасильственными средствами³. Политика ненасильственных действий стремится ослабить оккупационный режим путем отказа от сотрудничества с оккупантами. Это можно осуществить открыто с помощью таких средств, как забастовки и сидячие забастовки, или (в более скрытой форме) путем снижения темпа работы на производстве, уничтожения полезной для завоевателей информации, бойкота и т.д. Все эти действия нацелены на лишение угнетателей плодов, полученных от незаконного захвата страны и установления в ней своего господства⁴. Возможное применение ГО зависит главным образом от ряда психологических и социальных факторов: моральной решимости граждан отказаться от сотрудничества с врагом, их способности организовать ненасильственное сопротивление, их технической подготовки и дисциплины. Кроме того, эффективность ГО предполагает, что агрессор не готов

¹ Разные авторы используют различные понятия и дефиниции, например, «социальная защита» (Иоган Низинг) и «ненасильственная гражданская оборона» (Джордж Кроуэлл). Термин «гражданская оборона», предложенный Джином Шарпом, стал самым известным уже в наше время. См.: *Sharp G. Civilian-Based Defense. Cambridge MA: Harvard University Press, 1990; Holst J.J. Civilian-Based Defense in a New Era. Cambridge MA: The Albert Einstein Institution [Monograph Series, № 2], 1990; Sharp G. The Dynamics of Nonviolent Action. In 3 vol. Boston: Porter Sargent, 1973; Sharp G. Self-reliant Defense Without Bankruptcy or War: Considerations for the Baltic, East Central Europe and Members of the Commonwealth of Independent States, (With the assistance of Bruce Jenkins), Cambridge MA: The Albert Einstein Institution, 1992. См. также: Crowell G. The Case for Nonviolent Civilian Defence Against External Aggression. Waterloo, On.: Ploughshares Working Paper 90—94.*

² По мнению некоторых сторонников ГО, элементы ГО, направленные против внешней агрессии, можно постепенно включать в государственную оборонную доктрину наряду с военными средствами. Определенная концепция ГО была включена в оборонные доктрины таких государств, как Швейцария и Швеция, наряду с обычными военными и партизанскими средствами сопротивления. *Epple R.A. Terminological Make-up — the Ideas of Swiss Military Strategies about the Role and Meaning of Non-violent Actions of Resistance as Part of the Total Defense in Western Europe. Brussels: Free University of Brussels (VUB), 1977.*

³ *Низинг И. Общественная оборона как логическая альтернатива: От утопии к выбору. М.: СЕРСО, 1993. С. 11.*

⁴ О практических примерах ненасильственного сопротивления см. веб-сайт пацифистской организации War Resisters International — <http://www.gn.apc.org/warresisters/>

использовать все средства, необходимые для достижения его целей. Например, ГО не достигнет своих целей, если у агрессора нет заинтересованности в экономическом потенциале данной страны и он готов полностью его уничтожить. Для того чтобы политика ГО была успешной, агрессор должен быть, кроме того, заинтересован в том, чтобы у населения сохранялось положительное или, по крайней мере, нейтральное отношение к нему. И наконец, агрессор должен беспокоиться об общественном мнении у себя на родине и о своей международной репутации¹.

4. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Если пацифизм, говоря о том, что войны аморальны, представляет одну крайность в общественной мысли, а реализм, говоря о том, что войны неморальны, представляет другую крайность, то *теория справедливой войны* занимает между ними некое промежуточное положение. Эта теория говорит о том, что одни войны безнравственны, в то время как другие могут быть оправданы с нравственной точки зрения. Занимая среднюю позицию, данная теория уязвима для критики с обеих сторон: пацифисты утверждают, что теоретики справедливой войны слишком либеральны по отношению к войне, а реалисты говорят, что теоретики справедливой войны призывают государства к неправильным войнам на неправильных основаниях.

Теоретики справедливой войны уязвимы для критики и по другой причине. Они подвергаются нападкам со стороны милитаристов, настаивающих на том, что их пропаганда войны является моральной (этической) по своей природе. Но у теоретиков справедливой войны совершенно иная точка зрения на этику войны. Грубо говоря, в то время как милитаристы усматривают в войне моральное благо и поэтому защищают ее как средство морального возрождения нации, теоретики справедливой войны лучше осознают опасность войны и поэтому стремятся наложить на использование силы нравственные ограничения. Таким образом, поскольку теоретики справедливой войны сталкиваются с очень трудной задачей — они должны защищаться от критики с разных сторон.

¹ Низинг И. Указ. соч. С. 44.

У теории справедливой войны давняя традиция. На Западе она восходит по крайней мере к первым христианским мыслителям и к произведениям Августина¹. Столкнувшись с необходимостью поддержки недавно христианизированной Римской империи, Августин пришел к заключению, что он должен примириться с войной. Он не мог с легкостью принять пацифистскую позицию, как это делали некоторые более ранние христиане, еще не наделенные властью. Поскольку в то время Римская империя находилась под натиском всевозможных «варваров», Августину предстояло рассмотреть вопрос о том, как побудить воевать христиан, которые были поборниками мира. Столкнувшись с данной проблемой, он четко сформулировал некоторые из принципов теории справедливой войны в том виде, в каком они известны нам сегодня. Они включают в себя помимо прочих *принцип правого дела* (just cause principle): для того чтобы начать войну, у государства или империи должны быть достаточные основания, и *принцип легитимной власти* (legitimate authority): только определенные, законно занимающие свой пост должностные лица могут вовлечь государство в войну. Позже Фома Аквинский развил теорию справедливой войны, но сделал это так же, как и Августин, — в рамках Церкви². Тем не менее позже, особенно благодаря работам Гуго Гроция, эта традиция была секуляризована³.

Однако у традиции справедливой войны была история еще до Августина. На эту тему писал Св. Амвросий, а до него эта традиция восходит к римлянам и даже к грекам. Цицерон у римлян, Платон и Аристотель у греков писали о тех моральных проблемах, с которыми, идя на войну, сталкиваются полководцы и воины. Но было бы ошибочно предполагать, что традиция справедливой войны является целиком западной. В Древнем Китае

¹ См.: *Августин Блаженный*. О Граде Божием [в особенности книги XVII и XIX]. Августин Блаженный. Творения. [Т. III и IV]. СПб.: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Комментарии о роли Августина в развитии теории справедливой войны на Западе см.: *Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. [Chapter 3]. 2nd edition. Englewood Cliffs NJ: Prentice Hall, 1999. См. также: *Holmes R. L.* On War and Morality. [Chapter 4]. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989. Поскольку Р. Холмс склоняется к пацифизму, его оценка Августина является негативной.

² *St. Thomas Aquinas*. The Summa Theologica. [II—II, Q. 40] / Translated by Fathers of the English Dominican Province and revised by Daniel L. Sullivan. Chicago; L.: William Benton Publisher, 1952.

³ *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Госюрлитиздат, 1956.

Мо-цзы¹ и Мэн-цзы² писали о несправедливостях, с которыми сталкиваются люди, и о необходимости временами братья за оружие, чтобы искоренить их. В Древней Индии обсуждение войны и этики войны мы находим в «Законах Ману»³ и «Бхагавадгите»⁴. Поэтому традицию теории справедливой войны можно назвать поистине межкультурной.

Как мы сегодня знаем, концепции теории справедливой войны, развиваемые разными авторами, имеют некоторые общие черты. Большинство современных сторонников данной теории соглашались — во всяком случае на словах — со структурой этой теории и с тем, что собой представляют ее принципы. Что касается структуры, то основное разграничение проводится между принципами *jus ad bellum* (справедливости вступления в войну) и принципами *jus in bello* (справедливости ведения войны). Теоретики справедливой войны доказывают, что необходимы критерии, с помощью которых государство может определять, когда морально оправдано вступить в войну (*jus ad bellum*) и как морально вести войну (*jus in bello*). Обычно насчитывают шесть принципов или критериев, связанных с *jus ad bellum*, а принципов *jus in bello* — только два. Здесь мы их кратко охарактеризуем, а подробно каждый критерий будет обсуждаться в последующих главах книги.

Первым критерием или принципом, о котором уже говорилось в более ранней ссылке на Августина, является *принцип правого дела* (just cause). Этот критерий можно также назвать критерием правильных оснований (righteous cause) или критерием очень веских причин. Ни одно из этих названий не оказывается особенно полезным для понимания того, какое конкретно моральное основание позволит государству вступить в войну. Осознавая это, теоретики справедливой войны дополняют содержание данного принципа, говоря, что ему будет отвечать любой из следующих

¹ *Mo Tzu*. Basic Writings / Translated by Burton Watson. N.Y.; L.: Columbia University Press, 1963. P. 50—61. **Мо Цзы* // Древнекитайская философия: Собрание текстов. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 192—194.

² *Mencius*. The Works of Mencius [Bk I. Pt 1. Chapters 4—7; Pt 2. Chapter 8; Bk II. Pt 1. Chapters 2—3] // Chinese Classics / Ed. J. Legge. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1894.

³ Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, проверен. и исправл. Г.И. Ильиным. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

⁴ Бхагавадгита / Пер. с санскрита, посл., примеч., толковый словарь Б.Л. Смирнова. 3-е изд, доп. СПб.: Acad, [1994].

подкритериев. Если государство *A* (агрессор) нападает на государство *B* (жертва агрессии) и таким образом делает его своей жертвой в том смысле, что военные силы *A* самовольно переходят границу государства *B*, производят массовые разрушения и оккупируют части государства *B*, то у *B* есть моральное основание ответить на эту агрессию применением военной силы. Поэтому подходящим основанием для вступления в войну считается необходимость национальной самообороны. Или же в том случае, если государство *A* нападает на государство *B*, дружественное или союзное государству *B*, то у *B* есть моральное право вступать в войну, даже если на него самого не нападали. Второй подкритерий касается агрессивного поведения *A* против своего собственного народа. Если государство *A*, находясь в сговоре с проживающей на его территории крупной этнической группой, осуществляет геноцид по отношению к другой этнической группе, то международное сообщество может законно вступить в войну на гуманитарных основаниях.

Хотя, согласно теории справедливой войны, правое дело есть необходимое условие для вступления в войну, оно не является достаточным. Должны быть также применены и остальные пять критериев. Одним из них является принцип *легитимности власти* (*legitimate authority*). Этот критерий совершенно отличен от остальных тем, что он не говорит непосредственно о том, как решать проблему надвигающейся войны. Скорее, он указывает, что только определенные лица уполномочены выносить решение о том, вступать или не вступать в войну. Такими уполномоченными не могут быть частные лица, частные организации, генералы, ведущие предприниматели или профессора философии. Такими уполномоченными могут быть высшие государственные чиновники (например, президент) или определенного рода институты (например, законодательный орган). Кроме руководителей государств легитимной властью могут считаться и другие субъекты. Например, в некоторых случаях, когда есть угроза миру, произошло нарушение мирного договора или акт агрессии, в качестве легитимной власти может действовать Совет Безопасности ООН. Общеизвестно, что национально-освободительные движения, борющиеся против колониальных режимов, также обладают легитимной властью для защиты своего права на самоопределение при помощи применения силы. Однако легитимная власть насильственных движений за

отделение от государства в неколониальном контексте остается спорной. Спорно также и то, при каких условиях и до какой степени революционные движения можно считать обладающими легитимной властью для использования силы ради правого дела.

Третий критерий теории справедливой войны задан принципом *добрых намерений*. В прошлом этот принцип трактовался таким образом, что государство, в особенности его солдаты, не должны вступать в войну с ненавистью в сердце. Сегодня этот принцип предполагает то, что несколько легче проверить и что не так обязывающе. Он означает, что государство должно вступать в войну с намерением осуществить свое правое дело, ради которого и пришлось начать войну. Так, если государство *V* отвечает на агрессию, добрым намерением *V* будет просто остановить агрессию и, возможно, наказать преступника; *V* не воспользуется победой как обстоятельством, оправдывающим захват территории противника, о которой оно всегда мечтало.

Четвертый критерий — *принцип вероятности успеха* (principle of likelihood of success) — связан с пятым критерием — *принципом соразмерности* (principle of proportionality). Оба принципа имеют дело с последствиями решений. Принцип вероятности успеха говорит о том, что страна не должна вступать в войну, если вступление в войну не сулит хороших последствий, обычно из-за того, что страна, обдумывающая вопрос о вступлении в войну, имеет перед собой противника, обладающего серьезным превосходством в военной силе.

Принцип соразмерности говорит о том, что ожидаемая цена (потерь) при проведении военных действий не должна выходить за пределы получаемых выгод. Но что именно подразумевает этот принцип, часто остается неясным. Подразумевает ли он, что война является справедливой только в том случае, если ожидаемые выгоды превышают ожидаемые потери? Или же достаточно будет и того, что потери и выгоды будут примерно равны? Существует еще одна проблема, связанная с тем, как оцениваются потери и выгоды. Например, как оценить выгоды от вступления в войну с целью сдержать будущих агрессоров? С этим связана также проблема предвидения того, как долго продлится война и насколько она будет ужасной. В действительности из-за всех этих и других проблем принцип соразмерности является не очень убедительным. Единственное ясное руководство, которое он должен, по-видимо-

му, давать, заключается в напоминании государству о том, чтобы оно не вступало в войну в случае, если ожидаемые издержки такого поведения будут гораздо больше, чем выгоды. Так, в период холодной войны нарушением этого принципа со стороны НАТО стало бы развязывание Третьей мировой войны, применение ядерного оружия и любого оружия массового поражения для того, чтобы в 1968 г. поддержать чехословацкое сопротивление советской оккупации. Таким образом, даже если принцип правого дела позволил бы развязать Третью мировую войну, то принцип соразмерности не дал бы этого сделать.

Шестым и последним критерием *jus ad bellum* является *принцип крайнего средства* (last resort principle). Он более важен, чем большинство других принципов. Некоторые воспринимают этот принцип как побуждение к войне только после того, как уже испробованы все средства. Но, вероятно, это больше гипербола, чем хороший совет, поскольку процесс проверки всех вариантов в буквальном смысле бесконечен. Всегда существует еще какие-нибудь дополнительные возможности для переговоров, санкции, политический маневр, бойкот и т.д., которые можно испробовать прежде, чем открывать огонь и наносить ракетный удар. Вероятно, принцип крайнего средства следует воспринимать как подразумевающий нечто похожее на последнее разумное средство. Прежде чем вступать в войну, необходимо убедиться в том, что все дальнейшие дипломатические усилия бессмысленны. Следовательно, принцип крайнего средства не поощряет поспешные военные ответы, когда на это провоцируют извне. Этот принцип отдает предпочтение «холодным» головам перед «горячими».

В отличие от критериев *jus ad bellum*, выполняющих свою функцию до начала войны, критерии *jus in bello* выполняют свою функцию уже после того, как война началась. Теоретики обычно упоминают два критерия. Первый задается *принципом соразмерности* (proportionality), только теперь в соотношении потерь и выгод от совершения различных военных операций. Согласно этому принципу, боевые планы немедленно перейти какую-то реку признаются негодными, если они приводят к победе, но ценой больших потерь для обеих сторон, чего можно избежать в том случае, если принять какой-нибудь другой разумный план.

Второй принцип *jus in bello* называется *принципом различия* (discrimination). Так или иначе предполагается, что вовлеченные в

войну люди проводят различие в том смысле, что иногда противник является объектом для законного (*legitimate*) нападения, а иногда — нет. Одним из оснований разграничения людей, хотя и не вполне удовлетворительным, но все же практически пригодным, является то, что одни одеты в униформу, а другие — нет. Если бы вражеские силы нападали только на тех, кто одет в униформу, то с таким же успехом, как на бойцов, они нападали бы на капелланов и медицинский персонал. Но по крайней мере такая интерпретация принципа различия не позволяет нападать на стариков, женщин (невоенных) и детей. Короче говоря, если бы его придерживались, то кровопролитность войны в значительной мере уменьшилась бы. Однако некоторые доказывают, что хотя объектами нападения не должны быть капелланы и медицинский персонал, но на некоторые группы людей, не одетых в униформу, нападать можно. Сюда могут входить не носящие военную форму партизаны, а также работники заводов, производящих военное снаряжение и боеприпасы. Работники железной дороги, помогающие доставлять это снаряжение и боеприпасы к линии фронта, также считаются законным объектом нападения.

До некоторой степени норма различия зависит от обстоятельств. Например, в краткосрочной войне¹, вероятно, было бы несправедливым нападать даже на рабочих военных заводов. Хотя их вклад в войну является непосредственным, расчет времени здесь таков, что война закончится еще до того, как производимое ими военное снаряжение достигнет фронта. Другое дело, если война серьезная и затяжная. Вероятно, в такой войне законным будет нападение на рабочих оружейных заводов, а также на транспортные средства, доставляющие их на работу. Приведем еще один пример, показывающий, что критерий разграничения между теми, кто участвует в войне, и теми, кто не участвует, размытый. Во время войны в Персидском заливе (1990—1991) коалиционные силы атаковали мосты, которые использовались совместно и гражданскими лицами, и военными Ирака. Некоторые из этих мостов, вероятно, следовало атаковать, а другие — нет. Несомненно, оправданными (*legitimate*) целями были и те мосты, что находились вблизи линий фронта, и те, что весьма активно использовались

¹ *Например, такой, какой была Шестидневная израильско-арабская война 5—10 июня 1967 г.

военными. Но другие мосты, находившиеся далеко от линий фронта и использовавшиеся главным образом гражданскими лицами, вероятно, не были оправданными военными целями (в частности, потому что скоро стало очевидно, что эта война не продлится очень долго). Но, несомненно, были и такие мосты, которые по своему значению находились между названными двумя крайними типами, когда трудно было сказать, как с ними следует поступать.

Таким образом, один из способов разрешать моральные проблемы, связанные с боевыми действиями, заключается в том, чтобы разрешать их одновременно с точки зрения принципа соразмерности и принципа различия. Есть еще один способ. Вместо того чтобы выделять два весьма общих принципа, некоторые предпочитают выделять ряд менее общих правил или положений. Такие правила обнаруживаются в Женевских конвенциях¹, регулирующих приемы ведения войны и правила обращения с противником в ходе боевых действий. Более того, «интуитивно» мыслящие авторы сочли возможным сформулировать ряд таких правил, как, например, следующие:

✧ не разрешается добивать противника (т.е. пристреливать раненого вражеского солдата, когда во время боя солдат передвигается через поле боя — для того, чтобы обезопасить себя от выстрела в спину);

✧ запрещается грабить дома мирных граждан и другое их имущество;

✧ запрещается отбирать личное имущество у военнопленных;

✧ запрещается насиловать людей, будь то гражданское лицо, или вражеский военнослужащий;

✧ запрещается нападать на любые медицинские объекты противника;

✧ нельзя нападать на религиозные или культурные учреждения;

✧ нельзя подвергать военнопленных противника пыткам и «промыванию мозгов», лишать их пищи, одежды, жилища и медицинского ухода;

✧ нельзя использовать военнопленных противника для выполнения военных работ.

¹ *См.: Права человека: Сборник международных документов. М.: Юрлит, 1998. С. 384—587.

Какой бы путь ни выбирался, эти принципы или правила категории *jus in bello*, составляющей часть теории справедливой войны, могут в значительной степени ограничить масштабы ужасов войны.

5. ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ВОЙНА И ТЕОРИЯ

Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы говорим в первую очередь о *справедливости*. В рамках нашей работы справедливость означает беспристрастность. Беспристрастность в свою очередь подразумевает, что к отдельным людям, группам, культурам и государствам относятся как к равным по крайней мере в двух отношениях. К ним относятся, во-первых, с равным вниманием, во-вторых, с равным уважением. Благодаря вниманию, мысль и действие обращены на их благосостояние, благодаря уважению — на их желания и их выбор. Идея состоит в том, чтобы обладающий властью не использовал ее корыстно в своих отношениях с тем, у кого власти нет. Теория справедливой войны учит тому, что ее принципы должны сдерживать сильных, чтобы по отношению к тем, кто не так силен, они были внимательными, заботливыми, заинтересованными, уважали их желания и выбор. Поскольку тема этой книги — война, а война является коллективной деятельностью, призыв к справедливости обращен к государственным, политическим и общественным руководителям. Этот призыв обращен к руководителям потому, что именно они принимают те решения, которые могут очень быстро привести к массовым проявлениям несправедливости. Но этот призыв обращен и к отдельным людям, потому что во время войны, когда их руководители дают им в руки современное оружие, они легко могут совершить самые серьезные акты несправедливости.

«*Война*» — это второй термин, значение которого следует прояснить, когда речь идет о теории справедливой войны. «*Война*» является одним из тех многочисленных центральных понятий в политике, значение которых за последние несколько столетий основательно изменилось¹. Ученые XVIII и XIX вв. писали о войне и мире, считая оба понятия резко различающимися-

¹ Best G. War and Law Since 1945. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 228ff.

ся. Можно было легко отличить друг от друга военное и мирное время. Они относились к противоположным условиям человеческого существования. Военные действия не обязательно начинались с объявления войны, но такое объявление делалось в основном как публичное заявление о том, что характер поведения государства, соответствующий мирному времени, сменяется на характер поведения, соответствующий военному периоду. За предыдущие столетия ученые написали впечатляюще большое количество юридических трудов по проблемам регулирования поведения государств по отношению друг к другу в военное время в отличие от мирного времени.

Современность не знает такого четкого различия между миром и войной; в течение XX в. оно постепенно стерлось. Мирные договоры были большей частью заменены на более ограниченные формы прекращения насильственных конфликтов: простое прекращение военных действий, прекращение огня, разного рода перемирия, подписание соглашения или введение миротворческих сил. Эти способы улаживания насильственных конфликтов не обязательно кладут им конец. Прекращение огня не исключает продолжения вооруженного конфликта другими военными средствами, такими, как, например, террористические акты.

Переход от мира к войне трудно квалифицировать с той же степенью строгости, как переход от войны к миру. Сложные конституционные требования демократических государств относительно объявления и начала войны и строго ограничительные статьи Устава ООН относительно применения силы заставили государства быть чрезвычайно осторожными при употреблении соответствующей терминологии. Действительно, употребление слова «война» имеет непосредственные правовые последствия в процессе принятия решений внутри страны (что может включать, например, необходимость получить одобрение своего законодательного органа) и на международной арене. В основном правительства избегают употреблять слово «война». Не было никакого объявления войны со стороны Соединенных Штатов во время войны во Вьетнаме, со стороны Великобритании, когда она послала свои войска против Аргентины на Фолклендские острова, или со стороны государств — членов НАТО во время их военного вмешательства в Косово. Термины «Вьетнамская война», «Фолклендская война» или «Косовская война» предпо-

читают употреблять средства массовой информации и ученые, но их нет в официально признаваемых формулировках по этим конфликтам, высказывавшихся государственными чиновниками Соединенных Штатов, Великобритании или соответственно стран — членов НАТО. Политическое значение термина «война» глубоко драматично. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. американская администрация говорила о политических и военных мерах, которые она предпринимала против террористов и государств, поддерживающих террористов, как «войне против терроризма». Но это терминология не использовалась европейскими союзниками США в их антитеррористической политике.

Термин «война» избегают употреблять также в тех вооруженных конфликтах, которые одной стороной конфликта считаются по своей природе внутрисубъективными. Такими конфликтами являются, например, гражданская война, борьба за сецессию, антиколониальная война или война, ведущаяся одной из сторон «по доверенности», в интересах третьей стороны (проху war). В конфликтах, связанных с сецессионизмом, центральное правительство не заинтересовано в предоставлении сторонникам сецессии определенной формы признания путем употребления термина «война», поскольку этот термин в основном относится к межгосударственным конфликтам суверенных субъектов международных отношений. Если бы центральное правительство назвало эту борьбу войной, это было бы равнозначно легитимизации сецессионистских усилий. Поэтому в международном праве по отношению к длительным восстаниям и сецессионистским конфликтам была введена категория «статус воюющей стороны». Применение этой категории нацелено на то, чтобы для обеих сторон был задействован закон о международных вооруженных конфликтах. Чтобы получить такой статус, повстанцы или сецессионистская сторона должны контролировать территорию хорошо организованной вооруженными силами, а также признаваться как таковые центральным правительством. К сожалению, введение этой правовой категории не разрешает данной проблемы. Правительства, ведущие борьбу против восстания или сецессионизма, часто отказываются предоставить повстанцам статус воюющей стороны, поскольку это фактически будет означать признание потери значительной части территории в пользу повстанцев. Сталкиваясь с

таким отказом, международное право предусматривает необходимость соблюдения минимальных норм международного гуманитарного права на основании признания фактически сложившейся ситуации. Таким образом, можно обойти болезненный вопрос признания статуса. В том случае, когда соблюдается особый набор критериев, в международном праве используется термин «внутренний вооруженный конфликт». Критерий признания сюда не входит. Конфронтация между двумя группировками считается внутренним вооруженным конфликтом в том случае, если «борьба является интенсивной, организованной и достаточно затяжной для того, чтобы она выходила за пределы временных беспорядков и напряженностей. В дополнение к этому данный конфликт должен ограничиваться границами государства и, как правило, в него не должны быть вовлечены иностранные силы»¹. Как только возникает такая ситуация, независимо от правового положения сторон применяется статья 3 Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительный протокол II. Эти правовые документы включают в себя классические принципы *jus in bello*, относящиеся к традиции справедливой войны — принципы пропорциональности и различия.

Историки, политологи и ученые, работающие в русле традиции справедливой войны, решая вопрос о том, представляет ли вооруженный конфликт войну или нет, не имеют оснований придерживаться официальной терминологии или актов признания. Как показывает опыт международного гуманитарного права, иногда гораздо уместнее обойти проблему официального признания ситуации с помощью набора более объективных критериев, независимых от правительственных взглядов на данную проблему. Например, Хедли Булл дает такое определение войны, которое является широким настолько, что позволяет относить все виды военных конфликтов к компетенции теории справедливой войны. «Насильственные действия не являются войной, если только они не осуществляются от имени какого-нибудь политического объединения; что отличает убийство на войне от уголовного убийства, это его приказной и официальный характер, символическая ответственность политического объединения, от имени которого совершается

¹ Allison E., Goldman R.K. Belligerent Status // Crimes of War / Eds. R. Gutman and D. Rieff. N.Y.; L.: Norton & Company, 1999. P. 42.

убийство. Равным образом, насилие, которое осуществляется от имени политического объединения, не является войной, пока оно не направлено против другого политического объединения»¹. Это определение не проводит никакого различия между внутригосударственными и межгосударственными конфликтами, между теми политическими объединениями, которые учреждаются признанными государствами, и теми, которые учреждаются непризнаваемыми государствами. Мы будем использовать это широкое определение войны, поскольку по отношению ко всем таким конфликтам, несомненно, уместны принципы теории справедливой войны.

«Теория» является третьим и последним понятием, значение которого следует прояснить до подробного обсуждения теории справедливой войны в последующих главах. Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы не должны понимать смысл этой теории таким же образом, как это бывает в естественных науках. В данном случае следует проводить различие между более строгим и менее строгим понятием теории². При строгом понимании теория представляет собой совокупность объяснительных принципов, на основе которых можно создать ряд проверяемых гипотез. Составление конкретных сценариев дает возможность предсказывать будущие события и затем проверять обоснованность гипотез. Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы подразумеваем теорию в значительно менее строгом смысле. Такая «тонкая» теория прежде всего придает полю исследования определенную структуру, систематизирует исследуемые вопросы и включает в себя логически связанный набор понятий. Практическая «тонкая» теория не дает представления о выборе, который надлежит сделать. Он должен осуществляться отдельными людьми³. Теория имеет довольно

¹ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. L., 1977. P. 184; цит. по: Best G. *War & Law since 1945*. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 4.

² См. на эту тему: Coppeters B., Mybul I., Huysseune M. (eds). *Introduction to Secession, History and the Social Sciences*. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 12–13. См. также: Buzan B., Waever O. *Security Complexes: A Theory of Regional Security* — доклад, представленный на конференции «Центральная Азия в контексте новой безопасности», организованной Шведским институтом международных отношений в Стокгольме 2–3 сентября 1999 г.

³ Waldron J. *Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative* // *The Rights of Minority Cultures* / Ed. Will Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 98.

скромное значение — она служит средством исследования моральных проблем, связанных с применением военной силы.

Далее, сосредоточившись на содержании теории справедливой войны (той ее части, где говорится о том, *что* предполагается совершить), мы уделили недостаточное внимание ее обоснованию или той части теории, где говорится, *почему* что-то предполагается совершить. Действительно, есть такое мнение, что без вопроса «почему?» не существует ни одна теория. Считается, что теория включает в себя не только сведение вместе многих аспектов ее предмета, но и объяснение того, почему сводятся вместе именно данные, а не какие-нибудь другие части, принадлежащие этой теории. Но когда речь идет об обосновании теории, мы сталкиваемся с проблемой. При чтении литературы по вопросам теории справедливой войны становится очевидно, что относительно «почему?» единого мнения практически нет. Один автор обосновывает вариант этой теории, апеллируя к традиции Церкви¹, в то время как другой принимает подход, основанный на правах². Третий автор апеллирует к какому-то среднему уровню «интуитивных» принципов³, в то время как четвертый — к какой-нибудь версии теории договора⁴. Существуют также утилитаристские обоснования теории справедливой войны⁵.

Единственный утешительный момент такого положения в том, что это свойственно не только теории справедливой войны. С той же проблемой сталкиваются реализм и пацифизм. Одни пацифисты приходят к своим убеждениям, апеллируя к Новому Завету, другие — к правам, к общим моральным принципам, третьи — к

¹ U.S. Catholic Bishops. *The Just War and Non-Violent Positions // War, Morality, and the Military Profession*. 2nd edition / Ed. M.M. Wakin. Boulder Co; L.: Westview Press, 1989. P. 239—255.

² См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars*.

³ *Childress J.F. Just-War Theories: The Bases, Interrelations, Priorities and Functions of Their Criteria // War, Morality and the Military Profession*. P. 256—276. Чайлддресс апеллирует к тому, что можно назвать принципами среднего уровня, например к принципам невредоносности (непричинения вреда), благодеяния (помощи другим) и справедливости как порождающим принципы справедливой теории.

⁴ *Rawls J. The Law of Peoples // On Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1993* / Ed. Stephen Shute and Susan Hurley. N.Y.: Basic Books, 1993. P. 41—82.

⁵ *Brandt R. Utilitarianism and the Rules of War // War, Morality and the Military Profession* / Ed. M. Wakin. Boulder CO: Westview Press, 1981. P. 393—413; *Hare R.M. Rules of War and Moral Reasoning // Hare R.M. Essays on Political Morality*. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 45—61. См. также: *Fotion N. A Utilitarian Defense of Just War Theory // Synthesis Philosophica*. Zagreb. Vol. 12, fasc. 1. 1997. P. 209—225.

пользе. Более того, проблема «почему» создает сложности для всей этики, и этим этика отличается от науки. Такое разнообразие существующих теорий в одно и то же время не означает, что теории бесполезны¹. Тот факт, что несколько этических теорий общего типа обоснования превращаются в теорию справедливой войны (или пацифизм), доказывает, что эти этические теории и теория справедливой войны бесполезны не больше, чем, например, тот факт, что несколько шоссе сходятся в Москве, доказывает, что они бесполезны. Теории являются полезными средствами для упорядочивания нашего мышления, поэтому мы не должны настаивать на том, что с этой задачей лучше всего справляется только одна теория. Таким образом, теорию справедливой войны можно обосновать или объяснить многими разными способами, при этом, возможно, один способ будет подчеркивать значение одного аспекта этой теории, в то время как другой — значение другого².

¹ Однако такой вывод делает Анетт Байер. См.: *Baier A. Doing Without Moral Theory? // Anti-Theory in Ethics and Moral Conservatism / Eds. Stanley G. Clarke and Evan Simpson. Albany N.Y.: State University of New York Press, 1989. P. 33—34.*

² В этой главе текст в параграфах, посвященных реализму и теории справедливой войны, отчасти заимствован из: *Folton N. Reactions to War: Pacifism, Realism and Just War Theory // Ethics in International Affairs / A. Valls. Lanham, Md.; Boulder, N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2000. P. 15—32.*